

“Для них что москвичи, что инопланетяне — один черт”

Завтра на НТВ выходит первый фильм из публицистического цикла «Однажды в России» журналиста **Александра Зиненко**. Всего будет показано четыре фильма, причем каждый снят в своем жанре — от мелодрамы до комедии. Сам автор определяет свои фильмы как **человеческую документалистику** и считает, что все это — и жанр, и герои — **уходящая натура**.

СВЕТЛАНА СМЕТАНИНА

О чем ваши фильмы?

Каждый — это отдельная история со своим сюжетом и героями. Например, фильм о по-

морской деревушке называется «У Белого моря», фильм о жизни беспризорников в Санкт-Петербурге — «Уличные». Есть еще мелодрама «Для тех, кому за...» — о вечерах знакомств в маленьком провинциальном городе. И даже комедия — «Капитаны Нахаловки» — об отношениях двух участковых и их подопечных в своего рода Гарлеме — районе под названием Нахаловка в одном из российских городов.

Снимать фильмы о жизни «маленького человека» в российской глубинке — это дань моде на возрождение патриотизма?

Никакой моды здесь нет. Даже наоборот. Я вообще считаю, что жанр, в котором

я работаю — так называемая **человеческая документалистика** — это уходящая натура. Никто этого уже не делает. Существую сложившиеся документальные жанры — криминал, исторические события или факты из новейшей истории. А снимать фильм из жизни маленького городка, где сплошная статика и годами ничего не происходит, это тяжело, даже временами мучительно. Надо прожить со своим героем маленькую жизнь. Но мне это нравится. Есть много журналистов, которые лучше меня снимут фильм про проститутку или политику. У меня своя ниша. Можете назвать ее так: «все что вы хотели знать о собственном народе, но боялись спросить».

Вы определили фильм «Капитаны Нахаловки» как комедию. Там что, много смешного?

Действительно, там много забавных эпизодов. Например, мы снимали заседание общественного совета Нахаловки, на котором местные жители разбирали свою соседку — алкоголичку. Представители обществственности строгими голосами говорили ей: «Женщина, вы же мать, оторвитесь от рюмки». Алкоголичка искренне каялась и просила дать ей шанс на исправление. Или другая женщина, которую участковый «пропесочил» за то, что она обматерила соседку, говорит после этого: «Правильно участковые делают, а то мы ведь на шею сядем». Еще был очень смешной случай, когда мы снимали облаву на местную торговку спиртом. Там у нас была понятая Люська, которую во время облавы раздирали противоречивые чувства. Она вроде бы и признавала неотвратимость наказания, и в то же время ей было жалко товарку. Сама Люська комментировала в кадре это так: «Вообще-то правильно сделали — сдавать нужно таких с потрохами». И объясняет почему: «Купишь у нее спирт, выпьешь, посмотришь друг на друга — что пили, что не пили. Разбавляет зараза». А спустя минуту та же Люська задумчиво сообщает, что все-таки жалко соседку — и дети у нее болеют, и муж сидит: «Торговала бы себе и торговала. Нет, обязательно кто-нибудь ее сдаст». И этим все сказано. В этой фразе вся русская натура. Такое специально не придумываешь.

Тема одного из ваших фильмов — беспризорники — в последнее время стала чрезвычайно популярной у правительственных чиновников.

Случайно совпало, что когда мы заканчивали съемку этого фильма, о беспризорниках вдруг все вспомнили и заговорили на самом

верху. Обычно в фильмах такого рода берут явление, а дальше идет по схеме: тяжелая жизнь уличных подростков, охи-вздохи, комментарию чиновников. Мы попытались уйти от этой схемы и сделать новеллу о том, как несколько беспризорников устроили себе квартиру на чердаке, провели там свет, завели собаку, на стену повесили фотографию Высоцкого. Кстати, именно с этого чердака снайпер застрелил вице-губернатора Петербурга Маневича. Но это было еще до того, как там обосновались беспризорники. У нас была задумка, чтобы дети рассуждали о мире взрослых. И вот два брата — 8 и 10 лет — рассуждают о новых русских: «Они думают, что им все позволено. Когда я вырасту, новый русский станет старым, подойдет ко мне, попросит чего-нибудь, а я ему скажу — а помнишь, ты мне отказал». В фильме нет надруга — какая, мол, ужасная жизнь. Тем более что сами беспризорники считают, что они живут нормальной жизнью. С другой стороны, надо было снизить романтический пафос. И мы ввели эпизод с бомжом. А бомжи для беспризорников — это низшая каста. Они над ними смеются, считают, что сами никогда так не опустятся. Хотя, скорее всего, именно такой путь их ждет. В этих фильмах мы не старались объяснять, что плохо, а что хорошо. Просто попытались штрихами затронуть какие-то очень важные вещи. Однажды мне сказали на телевидении, что я снимаю про «марсиан» — в смысле про тех людей, которых на самом деле нет. Хотя настоящие марсиане для моих героев — это мы сами, жители огромной и далекой столицы. Они даже не верили нам, что мы приехали из «самой Москвы». Для них что москвичи, что инопланетяне — один черт. Просто другая жизнь, другая страна.

Александр Зиненко: «Есть много журналистов, которые лучше меня снимут фильм про проститутку или политику. У меня своя ниша: все, что вы хотели знать о собственном народе, но боялись спросить» Фотограф: Максим Коняев/Газета